Э.П. Риммер,
заслуженный работник культуры РФ,
главный специалист МБУК «Череповецкое музейное объединение»

Борис Колоколов. Улома. Память сердца.

Жизнь есть дорога – такова её суть.
Б. Колоколов. Заёмный лес.(1)

Так начинается седьмая глава повести Бориса Борисовича Колоколова «Заёмный лес». Герои повести – бывшие жители села Пихтеево, затопленного в 1941 году Рыбинским водохранилищем. Одни из них, переехав на новое место жительства (около Неверова Бора) и оставив в Пихтееве свою землю, веками ухоженную и удобренную и вскормившую не одно поколение, дедовский погост, а с ними и память, пытаются наладить новую жизнь. Другие порывают с селом и отправляются в Череповец, где на землях Богородского (в повести Богородецкого) сельсовета начинается строительство завода. Б. Колоколов пишет о том, что «срубленный» на одном месте человек долго и мучительно приживается на другом. А то и вовсе не приживается. Жуть пережитого вряд ли когда забудется им (2).

Повесть «Заёмный лес» вошла в книгу «Улома». В ней две повести - «Заёмный лес» и «Улома». Они связаны друг с другом и единством темы и местом действия героев.

Книга была напечатана в Москве в издательстве «Современник» в 1975 году. К этому времени в СССР уже разливались по земле рукотворные моря, а моря природные мелели, и правительство вынашивало грандиозные планы поворота рек для их наполнения. И вдруг оказалось, что несомненное благо от этих проектов вовсе не, несомненно, и что с каждой затопленной деревней уходит Родина.

Своей болью за исчезающую Россию и своим пониманием происходящего и поделились с читателем - автор книги «Улома» Борис Колоколов в 1975 году и Валентин Распутин в 1976 году, издав в «Нашем современнике» «Прощание с Матёрой».

Известно, что в ходе создания Рыбинской ГЭС и водохранилища было затоплено 4550 квадратных километров (это почти два государства Люксембург, 1/6 часть территории Бельгии, 1\10 часть Дании, Швейцарии).

В 1937 году в газете «Коммунист» появилась статья, перепечатанная из газеты «Комсомольская правда». Авторы её - Ю. Лозовский и К. Коренев - писали о том, что создание Рыбинского водохранилища потребует переселения 37000 хозяйств с населением в 150000 человек (3). Для них это было крутой ломкой сложившегося веками уклада сельской жизни на искони дедовских обжитых местах, переделкой психологии, привычек, характера, а для советского правительства - одной из главных задач.

Герои повести Колоколова «Улома» недоумевали, - как им всё с рук сходит, то одно затеют, то другое. Впору караул кричать. «Вы смыть!.. Смыть нас хотите! – орал иной бунтарь на собрании (4). Ведь не в пустыне же должно разлиться море, а на землях из веков обжитых, ухоженных людским трудом.

Людей беспокоило то, каким это море будет, хватит ли воды, не произойдёт ли тут болото, или трясина. Казалось, что учёные в точности не знают, до каких пределов размахнёт воду, каков будет её уровень.

- «Это что же за корабли такие будут, что им ширина воды в семьдесят вёрст понадобилась?! – спрашивали пихтеевцы. Вдоль-то вот и углубляйте Шексну» (5). В планах звалось всё морем, потому что другое слово – водохранилище – казалось кургузым, невыразительным, не масштабным для такого размаха.

А между тем в круге проектных отметок исчезала надземная жизнь изб, школ, древних городищ, церквей и пр. В рассказах агитаторов несоразмерность того, что исчезало с земли в угоду будущим поселенцам, перекрывалась той идеей, что с явлением моря во всей стране жизнь разом продвинется к лучшему, почти вплотную подступит к социализму» (6).

Герой книги Степан Никеров спрашивал: «Каким людям-то? А я-то почему должен лечь под них подстилкой? (7) Ему, как и другим жителям деревни никакой радости не было оттого, что под Рыбинском установится электростанция, или что над сим местом поплывут потом глубоководные корабли линкоры. В газетах писали, что вокруг моря по берегам расстелются плантации шиповника. Это казалось совсем чудным и непостижимым. От этого пихтеевцам навзрыд плакать хотелось, выть, или что-то вывернуть, чтобы враз хрустнула костьми эта проклятая затея с морем (8).

Крутость-то к чему такая? – недоумевали они. Мы же утвердились на века. На века целые. На такую стройку, какая затеяна здесь с очищением края, не велик был бы и десятилетний срок. А мы – в зиму. В одну зиму собрались повалить вековые леса, в одну зиму прибрать города и деревни. А их тут множество. Одних деревень тьма.(9).

«Пихтеево надеялось выжить». Так начинается книга. «Разные склоняли к тому мысли. А самая первая из них та – стоит село высоко, на крутоярах. Крепко укоренилось на земле. Каждый дом тут рублен из кондовой сосны, а полы в избах настланы из таких широких тесин, каких и деревьев в округе не осталось. Те великаны давно выбраны. Да и половица не пилами пилены, - их старики расклинкой да топорами добывали из цельного кряжа. А узор какой у всякого пущен по карнизам, в наличниках, на воротах, по коньку крыши: где цветы, подсолнухи, где желуди на ветках, где совы-филины, где петухи в боевой схватке, а у другого птица-феникс на вечность жизни. Каждая изба с крыльцом-калиткой – смотрины.

Сады с огородами в баньки упёрлись, за ними – поля. Дальше лес стеной: боры корабельные да чернолесье немыслимой тесноты и щедрот. Всем хороводом окон избы на Шексну глядятся. За рекой заводи в зарослях ивняка, в ольшанике пепельном, в краснотале, в густотравье болотном да в белых-белых как снег лилиях. … Тут в прохладе полное лето рыба играет-плещется, птицы, что звонки по кустарникам, кряква выводками плавает, селезни – грудь зелёным бархатом. А за заводями луга заливные, пойменные, - они опять до синих лесов тянутся. Трава в пояс, тучная, душистая, клеверов слаще. Вот какая трава. Жить тут хорошо. Привольно – самое главное. От того и не верилось никому, что на жизнь эту положен зарок»(10).

А разве не бывало у Пихтеева заслуги при подавлении кулацкого мятежа в Пришексне? Чьи мужики тогда первыми без смятений кинулись на восставших маслобоев? … Своей ротой тогда отправились на подавление мятежа. … Десятерых свояков с пробоинами на снегу оставили, а село взяли. Крепость не село. (11)

Пихтеевцев смущали обозы. Вот как заскребутся полозьями по снегу – точно тёркой по собственному сердцу. Едут, едут – то машинные, то конные, будто их бичевой оттуда из далей вытягивают. Словно в своих краях зараза объявилась – чума там или холера. Вот они и бегут от неё, как тараканы с измора»(12).

Степан Никеров глаза в глаза провожал обозы. Он в первый раз за все эти дни снизошёл до этого унижения, спустился на лёд реки с расспросами. И вот обжёгся душой, как о раскалённое железо. … Думалось ли когда, что со своей земли, от родимых лесов-пажитей, от погоста дедовского приведётся отваливать цыганским табором!(13)

Не так ещё обозы печалили, как потоки скотины. А их вдруг разольёт по Шексне: то коровий – пёстрый поток зашумит, то теснящийся серошубый – овечий – лавой течёт, то конный строй вздыбится. … И всё вдаль, вдаль все стекают под горизонт. …

У пихтеевских все эти сцены на глазах, все крики, - кнуты и крики стреляют в самые уши(14).

И, Степан Никеров решился, сдёрнул с крюка верёвку, решительно обмахнул плечи быстрым крестным знаменьем и тут же зло – себе и другим в отместку – ткнулся порыжелой скулой в изготовленную петлю»(15).

Б. Колоколов пишет не только и не столько о том, как преобразовывался край в связи с созданием Рыбинского водохранилища. Главное в книге то, как всё, чем жили пихтеевцы и чем дорожили, было отправлено «в совершеннейшее небытиё» (16). Степан Никеров «не перенёс разора» и свёл счёты с жизнью. По мнению односельчан, - Степана сшибли события, крутость дней. «Бывает же такое и с силачом – плывёт человек по реке и не справится с течением» - говорили они. (17)

Те же, которых уломали и вынудили переселиться, прозвали своё новое место жительства «Уломой». Раз Пихтеево на земле не уцелело – будет теперь Улома. Всякая деревня от чего-нибудь произошла, - заявил один из героев книги сторож Володька (Егор Кобликов)».(18)

Так хотелось бы процитировать всё. Но есть книга, и я советую вам её прочитать.

Тираж книги Колоколова «Улома» составил 75000 экземпляров. Череповецкий книготорг получил для продажи довольно большое количество. Но книги быстро раскупили. Она поразила читателей своей «раскованностью, вернее сказать, естественностью повествования», правдивостью и смелостью суждений в подходе к событиям; тем, что у автора есть своё собственное мнение, часто не совпадающее с официальной точкой зрения (19). Ажиотаж вокруг «Уломы» привёл к тому, что череповчане, которым книга не досталась, стали писать письма в редакцию газеты «Коммунист», где работал в своё время её автор.

В 1979 году, через четыре года после выхода книги, в газете «Коммунист» в рубрике «Книги о нашем крае» появилась статья «Родина сердца», автор которой В. Викулов писал: «Эта повесть, воскрешает прошлое для настоящего и для будущего. Ведь прошлое не превращается в ничто, оно живёт с нами и в нас, какое бы решение мы ни принимали, какой бы поступок не совершали, ибо мы всегда опираемся на прошлый опыт, наследуя или отвергая его. Тем более, если речь идёт о преображении природы, о сохранении того, что связано для нас с такими понятиями, как Родина, отечество»(20).

В этой же статье опубликован ответ Б. Колоколова на запрос редакции. Он писал: «Вы спрашиваете, тот ли я и как дошёл до жизни такой? Да тот самый. Я приехал в Череповец юнцом сразу после учёбы в начале 1934 года и с первых дней влюбился в этот городок. Работал поначалу на радио, а через лето перешёл

в «Коммунист», где был разъездным корреспондентом. Вся моя жизнь протекала в деревнях: то я сидел в Коште, то в Шухободи, то в Большой Доре, то в Ирдоматке, то в Абаканове, то в Клопузове и так далее. В те поры я знал не только всякую избу в деревнях, а и всякую тропинку в округе. Писал много, выступал в газете часто…»(21). А дальше жизнь носила Бориса Борисовича по всей стране.

После Череповца Колоколов работал в ленинградской областной газете «Смена», редактировал журналы для детей – «Чиж» и «Костёр». Потом была война и военные газеты. Затем многие годы трудился то собкором, то спецкором в газете «Известия», которая позволила ему облетать, объездить всю страну из конца в конец, из края в край. Бывал он и на Командорах, и на земле Франца-Иосифа, и на Камчатке, и на Сахалине, в Уссурийской тайге, плавал с рыбаками и китобоями, жил среди оленеводов Лавозера. В 1962 году в качестве спецкора «Известий» он побывал в Варшаве – «таком раздольном городе, раскинувшемся по обоим берегам Вислы».

В серии библиотечки «Известий» вышли две его книги – «Земля на горизонте» и «Очарованная даль». В 1948 году в журнале «Знамя» была напечатана повесть «На лесных аэродромах».

«И вот представьте себе такое диво», - писал Б. Колоколов сотрудникам редакции газеты «Коммунист»: «Жизнь моя всё время проходила в отдалении от Череповца, то, что называется на иных меридианах: то это был Ленинград, то Владивосток, то Москва (я говорю о местах, где я жил подолгу), а душа моя всегда, во все времена принадлежала Череповцу, а если пошире сказать – Вологодчине. Именно её я всегда считал и считаю своей духовной родиной. Вот отчего и взялся за этот труд о ней. И если угодил, если нет ко мне претензий в фальши, то это и есть высшая для меня награда»(22).

По воспоминаниям сотрудников редакции Колоколов был совсем еще мальчишкой, когда появился в Череповце, но очень живым, активным, всем интересующимся и способным». Ему пророчили писательскую будущность, избрали секретарём литературной группы, а его заметки, репортажи из разных пунктов помещали в номер сразу. Они всегда были свежи и интересны.

В «Коммунисте» печатались и его первые рассказы. Сам Колоколов считал, что называть их рассказами «очень смело. Но факт остаётся фактом – литературную свою дорожку я начал нащупывать именно в Череповце»(23).

В 1982 году в письме к сотруднику музея Н.М. Налитухиной он писал о том, что в Череповце начался не только его путь в журналистику, но «возможно, тут зародился и писательский зуд». Ей же он сообщил и о том, что он «уроженец Малой Вишеры, что в Новгородской области и, что в качестве спецкора газеты «Известия» он не раз посещал Череповец»(24).

Особенно памятным для череповчан было участие Бориса Колоколова в пешем переходе ударного взвода молодых красноармейцев-призывников по маршруту Череповец – Ленинград, который состоялся в октябре 1935 года.

По телефону, телеграфу спецкор Колоколов передавал в редакцию сведения о том, как проходил этот переход, как тепло встречали призывников в городах, сёлах, деревнях. Девятого октября он докладывал: «Ударный взвод молодых красноармейцев черепан заканчивает свой поход. Устюжна, Тихвин, Новая Ладога, масса колхозов с тёплыми встречами – всё это позади, а за ними Ленинград – конечный пункт похода»(25).

Двенадцатого октября в газете «Коммунист» был опубликован последний репортаж Колоколова об этом переходе, во время которого красноармейцы «встретили много трудностей на своём, более чем 600-километровом пути. Порой грязная, порой песчаная дорога, пронизывающий насквозь ветер, дождь, бьющий

в лицо, всё это не останавливало бойцов, и они шаг за шагом приближались к цели, подбодряемые своим командиром тов. Пановым.

Громкая бодрая песня часто раздавалась в пути, и веселей шагали под неё ударники, забывая об усталости. ….

На плацу Н-ского полка состоялась передача в полк ударного батальона молодых бойцов-черепан, отлично, с примерной выносливостью, закончивших переход. Тов. Погодин от имени партийных, профсоюзных и общественных организаций Череповца заверил командование и красноармейцев полка, что в их дружной семье черепане выполнят с честью все задачи по овладению военными и политическими знаниями, по освоению военной техники»(26).

Участвовал Колоколов и в большом лыжном походе призывников в качестве спецкора. Поход ставил своей целью не только ознакомление и проверку подготовки колхозов к весеннему севу, но и самую активную помощь.

В газете «Коммунист» был напечатан один из первых рассказов Колоколова. Называется он «День в пионерском лагере». «Утро. Лёгкий ветерок шаловливо треплет зелёные шевелюры белоствольных берёз. … Крепким сном спит лагерь. Но вот пронзительные звуки фанфары врываются в утреннюю прохладу. … До свиданья ночной покой! Начался день смеха, труда и веселья». (27).

Так же красочно Б. Колоколов описывает положение дел с ремонтом судов в череповецком доке в статье «В доке затишье»:

«… Беспорядочно загромоздив док, стоят ободранные, грязные с вылинявшей поверхностью пароходы, катера, дебаркадеры, пригретые ранними лучами солнца. В доке затишье. …И, если завтра вскроется Шексна, и нужно будет открывать пароходы первым рейсом.

- Ну что ж. Такие ободранные, грязные и пойдут. Моё дело маленькое – говорит начальник судоремонтных мастерских».(28)

В статьях Колоколова можно встретить знакомые фамилии известных деятелей культуры. 5 января 1935 года в заметке «Молодые музыканты, художники, певцы, плясуны» Борис Колоколов среди молодых дарований отметил работы бывшего ученика 1-ой школы художника Звонцова, которые были признаны достойными для показа в Ленинграде на областной олимпиаде смотра молодых дарований.

Завершить выступление мне хочется словами из повести «Заёмный лес», где Борис Колоколов устами своего героя, огорчённого видом искорёженной и захламлённой лесорубами лесной делянки, сказал: «Ах, как мы беспощадны ко всему, что так щедро нам даровано от веков. Да и нельзя сказать, что задарма досталось. Всё это нам досталось в бесчисленных войнах, через тысячи и тысячи людских погибелей. Так если мы не будем беречь свою природу, наступит время, мы и без войн по собственному бесчувствию потеряем эту свою радостную землю»(29).

Сегодня, когда на наших глазах поля дичают, избы падают, брошенная техника ржавеет, мы не только не чувствуем благодарности за то, что было сделано когда-то для нашего же блага, но и не понимаем надо ли было это делать, вот так круто, через головы людей, корнями вросших в эти места.

Валентин Григорьевич Распутин в «Манифесте», опубликованном им в 1997 году, сказал обнадёживающие слова о том, что Россия, «подлинная, хранящая себя, стыдливая, знающая себе цену отступила, как партизаны в леса, в своё тысячелетие». Туда для чужаков бездорожье и заросли. … Обратный же путь до возвращения наезжен. Россия собирает там себя под взглядом русской литературы, русской Церкви и истории, «и там уже ничего «разъяснять не надо, и народ берёт своё место»(30).

Примечания

1. Колоколов Б. Улома. М. 1975. С. 199.
2. Там же: С. 96.
3. Лозовский Ю., Коренев К. Укрощение могучей стихии. /«Коммунист». 1937. 18 апреля.
4. Колоколов Б. Улома. М. 1975. С. 92.
5. Там же: С. 42.
6. Там же: С. 91-92.
7, Там же: С. 15.
8. Там же: С. 106.
9. Там же. С. 95.
10. Там же: С. 3-4.
11. Там же: С. 7.
12. Там же: С. 4.
13. Там же: С. 5-6.
14. Там же: С. 74.
15. Там же: С. 110.
16. Там же: С. 84.
17. Там же: С. 118.
18. Там же: С. 142
19. Викулов В. Родина сердца. / «Коммунист». Череповец. 1979. 5 января. № 3. С. 3.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Архив ЧерМО.
25. Колоколов. Б. Переход Череповец – Ленинград закончен. / «Коммунист». 12 октября 1935 года. № 236.
26. Там же.
27. Колоколов Б. День в пионерском лагере./ «Коммунист». 1935. 27 июня.
28. Колоколов Б. В ДОКе затишье./ «Коммунист». 1935. 27 июня.
29. Колоколов Б. М. 1975. С. 200.
30. Распутин Валентин. Мой манифест. Http:||Russzastava/narod/ru|russrasp/html